

К вопросу о «полуперформативных» глаголах в текстах русских заговоров

Статья посвящена неперформативным глаголам в перформативном употреблении. В качестве материала использованы тексты русских заговоров, где упомянутые глаголы широко распространены. Предпринята попытка обосновать критерии выделения данных лексем в особую группу под названием «полуперформативы». Показано, чем отличаются полуперформативные глаголы от эксплицитных (канонических) перформативов в составе заговорных текстов.

Ключевые слова: глагол, наклонение, залог, перформативы, полуперформативы, заговоры.

Ekaterina Kulikovskaya

Semi-performative Verbs in Russian Charms: Criteria and Argumentation for Selection

The research is devoted to the lexical-and-semantic group ‘speech’ and other lexical-and-semantic groups of performative verbs in Russian charms. My aim is definition and separation of these groups. Much attention is given to the discussion of criteria for this classification. The distinction based on 1) causative semantics, 2) intentionality, 3) type of addressee. According to the criteria, the author divides verbs into three main groups: 1) performative verbs, 2) semi-performative verbs, 3) non-performative verbs. The originality of this study is in the definition of semi-performative verbs, which are causatives, but not speech acts.

Key words: performative verbs, Russian charms, causative, intentionality, illocutionary goal, addressee.

Введение

Заговор является перформативом, с одной стороны, как целостный речевой акт, с другой стороны, в заговорных текстах широко распространены перформативные глаголы, отвечающие критериям эксплицитного, канонического перформативного глагола [2]. Канонические перформативы употреблены в

форме 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. изъяв. накл. (такая форма получила название эксплицитной) и, как правило, обладают семантикой речевого действия: (к змее) Я тебе *приказываю*: – Иди, приведи мне мать с отцом, братьев и сестер и всех детей! [10, с. 298].

Подобные глаголы автореферентны не только в рамках магического заговора, предполагающего автореферентность, но и организуют вокруг себя множество речевых актов за пределами рассматриваемого прагматического контекста. Русский язык обладает фондом перформативных глаголов, которые подразделяются на группы в зависимости от иллокутивной силы [4].

Приоритет эксплицитной формы не означает, что перформативны только те глаголы, которые употреблены в эксплицитной форме. Распространены перформативные употребления и в других формах [5]. Например: Вас *просят* пройти в кабинет.

Однако эксплицитная форма приоритетна, главным образом потому, что в грамматической семантике данной формы выражаются именно те значения, которые характеризуют перформативность как коммуникативную и семантическую категорию. Так, категории первого лица, изъявительного наклонения и действительного залога лучше всего подходят для выражения значения «действие посредством речи», поскольку исполнителем такого действия может быть только тот, кто говорит. Единственное число также соответствует данной семантике: даже если речевое действие коллективно, это означает только то, что коллектив выступает как единоличный субъект (исключение составляют коллективные жалобы и прошения, в которых коллективность отражается в соответствующем грамматическом значении). Для перформативности важна единовременность действия и момента речи, и выражению этого значения более всего соответствует значение настоящего времени. Поэтому канонические перформативы в 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. изъяв. накл. наиболее распространены. В рамках данной работы мы не будем затрагивать вопрос о перформативности других грамматических форм.

Заговоры как материал наиболее интересны тем, что в них широко распространены употребления в эксплицитной форме тех глаголов, которые в обыденной речи не употребляются перформативно [6, с. 224].

Во-первых, это глаголы с речевой семантикой, характерные для магического дискурса: *заговариваю, переговариваю, отговариваю, заговариваюсь* и пр. При условии единовременности с моментом речи и при условии употребления именно в этом лексическом значении прагматика таких глаголов всегда будет выстраивать вокруг себя речевой акт заговора, например: (в обыденной речи) Я *заговариваюсь* от этой болезни.

Другой возможный контекст для перформативного употребления этих глаголов – юмористически-игровой контекст, в котором заговор имитируется/пародируется.

Во-вторых, это глаголы, отсылающие к религиозному, молитвенному дискурсу, например, *восплачу, возопию*.

Наконец, в-третьих, это глаголы, не обладающие речевой либо социально-институциональной семантикой: Так же раб (имярек) *беру* ту же калену лукову стрелу и *состреливаю* с раба (имярек) порчу: с его тела, с его крови, с его легкой печени, с семидесяти семи жил, с семидесяти семи суставов на пни, на колоды, на зыбучие болота [10, с. 462].

Семантика таких глаголов в заговорах очень разнообразна, но, как правило, сводится к физическому (ритуальному) действию над каким-либо объектом. Мы предлагаем использовать для таких глаголов термин «заговорный полуперформатив» [8]. Выделить данную группу глаголов нам помогли следующие критерии: 1) каузативность; 2) иллокутивные характеристики; 3) адресованность.

Материалом послужила выборка глагольных лексем в указанных формах объёмом 367 единиц, выполненная из сборников «Великорусские заклинания» В. Майкова [7] и «Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Песни. Заговоры» [10]. Использовались только заговорные тексты.

Критерии выделения полуперформативных глаголов в текстах заговоров

1. Каузативность

Перформативность и каузативность являются достаточно близкими категориями. В широком смысле каузативность можно понимать как функционально-семантическую категорию, объединяющую языковые единицы, функция которых «заключается не в передаче знаний, не в утверждении или отрицании чего-либо, а в побуждении к какому-либо действию или изменению состояния объекта» [11]. Методом выявления семантики каузативности является каузативная перифраза: (1) «делать так, что» + (2) «некоторая ситуация возникает (или существует)» или «делать так, что некоторая ситуация начинает иметь место или имеет место».

Анализ заговорных глаголов в форме 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. изъяв. накл. при помощи каузативной перифразы показал, что эти глаголы можно разделить на 1) глаголы, обладающие каузативной семантикой, и 2) глаголы, не обладающие каузативной семантикой.

Эксплицитные перформативные глаголы в заговорах являются каузативами (кроме глагола *говорю*, однако его употребление зафиксировано в качестве синонима *заговариваю*).

Что касается неперформативных заговорных глаголов, то они могут как обладать, так и не обладать семантикой каузативности. Обладающие семой каузативности глаголы называют основным ритуальное действие, ведущее к конечному или промежуточному результату. Среди них также распространены приставочные образования несовершенного вида, имеющие коррелят совершенного вида: *прирываю, покрываюся, вытаптываю, загрызаю, прикалываю, перерубаю, выгоняю, высылаю, погоняю, выкуриваю, запускаю, сдуваю* и т. д. Не обладающие семантикой каузативности глаголы, как правило, представляют собой лексемы со статальной семантикой или глаголы, не имеющие семы результата, зачастую десемантизированные, или глаголы восприятия, интеллектуальной деятельности: *стою, сижу, начинаю, смотрю, вижу*.

2. Иллокутивные характеристики

Иллокутивная цель представляет собой выражение коммуникативного намерения говорящего или интенции, имеющей отношение к доязыковой фазе общения. Доязыковой фазой заговорного текста является некая потребность, имеющая типический, универсальный характер и не принадлежащая говорящему как индивидууму. Глобальная интенция заговора связана с дестабилизацией человека в социальной и пространственно-временной сети, приведшей к возникновению страдания, и с желанием это страдание устранить [1, с. 21]. Коммуникативное намерение в самом общем виде может быть сформулировано как стремление к исполнению желаемого посредством слова: «заговорить» болезнь, нужду, тоску и т. д. Целями заговоров будет соответственно «снятие порчи», «исцеление от грыжи», «вызывание чувства любви», «избавление от чувства любви» и т. д.

Способ достижения иллокутивной цели осмысливается в причинно-следственных категориях традиционной культуры и подразумевает некое ритуальное действие, исполняемое без текста, с текстом или представляющее собой только произнесение текста. Соотнеся иллокутивную цель рассмотренных нами выше перформативных каузативов с иллокутивной целью заговорных текстов, в которых данные каузативы встречаются, мы можем увидеть, что анализируемые глаголы подразделяются на следующие группы:

1) Глаголы, иллокутивная цель которых является способом достижения цели заговора: Уроки, пригады, посмеща, и коли, и боли, и притчи, и падчи я *высылаю* за крутые горы, глубокие мори, где быдло не ходит, где певень голос не доносит [10, с. 391].

В качестве способа избавиться от нужды является высылание её причины в топос, где нарушен нормальный миропорядок: именно это осуществляется посредством произнесения полуперформатива *высылаю*.

2) Глаголы, цель которых равна цели заговора. В отличие от глаголов первой группы, эти глаголы называют не способ, а саму цель. Существенная особенность заключается в отсутствии у глаголов данной группы метафорического значения: А я, раб Божий (имярек), *заряжаю* свое калено ружье сизым-черным порохом, селитрой и пулей свинцовой [10, с. 292].

Зарядить ружьё – не способ достижения цели, а сама цель этого заговора. Сопровождая процесс подготовки оружия заговором, охотник не достигает никакой иной цели посредством ритуального действия. Заговор служит лишь для придания большего значения совершаемому действию.

3) Глаголы, цель которых равна цели отдельного речевого акта в составе заговора, но не цели всего заговора. К этой группе относятся почти все эксплицитные заговорные перформативы: *Мать ты моя, вечерняя звѣзда, жалу-юсь я тебѣ на двѣнадцать дѣвиць, на Иродовыхъ дочерей* [7, с. 52].

Перформативный глагол *жалуюсь* вводит иллокутивный акт жалобы, обладающий собственной иллокутивной целью, которую по отношению к цели всего заговора можно назвать микроцелью.

Однако иногда к данной категории могут относиться не только эксплицитные, но и полуперформативные глаголы, обладающие особой семантикой, обуславливающей их положение в зачине или в закрепе: *Еду я из поля в поле, во зеленые луга, в дальние места по утренним зорям и вечерним закатам, умываюсь медной росой, утираюсь солнцем, облакаюсь облаками, опоясываюсь чистыми звездами и еду я, еду* [10, с. 336].

Иллокутивные акты в этом примере также ведут к микроцели: подготовке говорящего к основной части ритуала. Как правило, это полуперформативные глаголы с семантикой очищения, помещения (преимущественно покрытия, открытия, закрытия, одевания), а также движения и перемещения.

4) Глаголы, цель которых равна коммуникативному намерению заговаривающего. К этой группе относятся уже рассмотренные нами глаголы *заговариваю, выговариваю*.

3. Адресованность

Наличие адресата в актантной структуре считается одним из базовых свойств перформатива, наряду с его другими свойствами: автореферентностью и неверифицируемостью. Это обусловлено тем, что исследователями изучаются по преимуществу эксплицитные перформативы, из которых прак-

тически все относятся к глаголам речи, обязательно имеющим валентность адресата. Актантная структура эксплицитного перформативного глагола, как правило, предполагает наличие актанта адресата. Однако и в более широком, коммуникативном смысле, адресованность, принадлежность к «ТЫ-категории» является условием воздейственности перформативного высказывания: слово становится действием только тогда, когда оно направлено кому-либо [3, с. 74; 9].

Рассматривая адресованность в заговорах, мы видим некоторые отклонения от типичной ситуации, которые могут быть суммированы следующим образом: 1) направленность на виртуального адресата; 2) направленность на объект (одушевлённый или неодушевлённый; 3) автонаправленность вне контекста внутреннего диалога.

Большинство канонических перформативов в заговорах (все иллокутивные глаголы) направлены на виртуального адресата, эксплицируя речевой акт обращения к воображаемому, мифологическому персонажу.

Полуперформативы направлены преимущественно на объект, не являющийся полноправным участником общения. Даже если это антропоморфный персонаж, от него не ожидается ответ, над ним осуществляются какие-либо действия вне зависимости от его вовлечённости в коммуникацию: *Рожа синяя, рожа белая, красная рожа, желтая рожа, подуманная рожа, погаданная рожа, замоченная рожа, заветрянная рожа, огневая, я тебя выгоняю, выкуриваю, вытаптываю. Выгоняю из рабы Божьей (имярек)* [10, с. 443].

Заключение

Мы выявили, что, помимо канонических перформативных глаголов, в заговорах присутствует особая группа полуперформативных глаголов, характеризующихся следующими признаками.

1. Каузативная семантика, которая противопоставляет полуперформативы неперформативным глаголам в составе заговора как глаголы, в семантике которых имеется воздействие с целью изменения. Одновременно с этим каузативность объединяет полу- и эксплицитные перформативы в группу заговорных перформативных каузативов, различающихся лишь по способу каузации: в случае эксплицитных перформативов способом каузации становится речь или социальное действие; в случае полуперформативов иное неречевое (как правило, физическое) действие.

2. В качестве иллокутивной цели полуперформативов выступает **способ** достижения основной цели заговора или цели типизированной, формульной части заговора (зачина, закреп), что противопоставляет полуперформативы каноническим перформативам, выражающим не способ, а саму цель речевого

акта или всего заговора. При помощи полуперформативного глагола говорящий осуществляет действие, при помощи которого достигается цель. Между способом и целью при этом обнаруживается устойчивая метафорическая или метонимическая связь, отражённая и закреплённая в коллективных фольклорных представлениях.

3. Полуперформативы могут не обладать адресованностью и быть направленными на объект с целью его непосредственного изменения, что также отличает их от эксплицитных перформативов, для которых адресованность является неотъемлемой характеристикой.

Особым положением обладают глаголы *заговариваю, уговариваю, выговариваю* и пр., эксплицирующие коммуникативное намерение заговаривающего и обладающие направленностью как на адресата, так и на объект. Они занимают промежуточное положение между каноническими и полуперформативными глаголами. На примере этих глаголов мы наиболее ярко наблюдаем то, что ритуально-магическая речь перестаёт мыслиться как речь в собственном смысле этого слова и начинает восприниматься как действие в ряду других ритуальных действий: огораживания, закрытия, повреждения или изменения объекта и т. д.

Наличие данных критериев позволяет выявить в заговорных текстах и объединить в особую лексико-семантическую группу перформативные глаголы с ритуально-магической семантикой.

Список литературы

1. Адоньева С. Б. Конвенции ритуально-магических актов // Заговорный текст. Генезис и структура / Невская Л. Г., Свешникова Т. Н., Топоров В. Н. (ред.). М.: Индрик, 2005. С. 385–401.
2. Апресян Ю. Д. Перформативы в грамматике и словаре // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1986. № 3 (45). С. 208–223.
3. Войводич Д. О валентности перформативных глаголов в славянских языках // Сборник Матице српске за славистику. 1999. № 56–57. С. 71–94.
4. Красина Е. А. Семантика и прагматика русских перформативных высказываний: дис... д-ра филол. наук. М., 1999. 310 с.
5. Кустова Г. И., Падучева Е. В. Перформативные глаголы в неперформативных употреблениях // Логический анализ языка. Н. Д. Арутюнова (отв. ред.). М.: Индрик, 2003. С. 561–571.
6. Левкиевская Е. Е. Славянский оберег. Семантика и структура. М.: Индрик, 2002. 334 с.
7. Майков Л. Н. Великорусские заклинания. СПб: Типография Майкова, 1869. 165 с.
8. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена, 2004. 1488 с.

9. Россолова О. А. Перформатив как показатель адресованности высказывания // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки: электрон. науч. журн. 2011. Электронный ресурс. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/performative-as-an-indicator-of-utterance-addressness> (дата обращения: 19.05.2020).

10. Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Песни. Заговоры. Сост. Ф. Ф. Болонев, М. Н. Мельников, Н. В. Леонова. Новосибирск, 1997. 605 с.

11. Шустова С. В. Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2010. 247 с.

References

1. Adon`eva S. B. *Konvencii ritual`no-magicheskix aktov* [Conventions of ritual and magical acts] *Zagovornyj tekst. Genezis i struktura* [Conspiracy text. Genesis and structure] Nevskaya L. G., Sveshnikova T. N., Toporov V. N. (red.). Moscow: Indrik, 2005. Pp. 385–401 (In Russian).

2. Apresyan Yu. D. *Performativny` v grammatike i slovare* [Performatives in grammar and vocabulary] *Izvestiya AN SSSR. Ser. literaturny` i yazy`ka* [News of the USSR Academy of Sciences. Ser. literature and language] 1986. № 3 (45). Pp. 208–223 (In Russian).

3. Vojvodich D. *O valentnosti performativny`x glagolov v slavyanskix yazy`kax* [On the valency of performative verbs in Slavic languages] *Zbornik Matice srpske za slavistiku*. 1999. № 56–57. Pp. 71–94 (In Russian).

4. Krasina E. A. *Semantika i pragmatika russkix performativny`x vy`ska-zy`vanij: dis... dokt. filol. nauk* [Semantics and pragmatics of Russian performative utterances: dis ... doct. filol. sciences] Moscow, 1999. 310 p. (In Russian)

5. Kustova G. I., Paducheva E. V. *Performativny`e glagoly` v neperformativny`x upotrebleniyax* [Performative verbs in non-performative usages] *Logicheskij analiz yazy`ka* [Logical analysis of language] N. D. Arutyunova (otv. red.). Moscow: Indrik, 2003. Pp. 561–571.

6. Levkievskaya E. E. *Slavyanskij obereg. Semantika i struktura* [Slavic amulet. Semantics and structure] Moscow: Indrik, 2002 (In Russian).

7. Majkov L. N. *Velikorusskie zaklinaniya* [Great Russian spells] St. Peterburg: Tipografiya Majkova, 1869. 165 p. (In Russian).

8. *Novyj ob`yasnitel`nyj slovar` sinonimov russkogo yazy`ka / Pod red. Yu. D. Apresyana* [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language / Ed. Yu. D. Apresyan] Moscow; Vena, 2004. 1488 p. (In Russian).

9. Rossolova O. A. *Performativ kak pokazatel` adresovannosti vy`skazy`vaniya* [The performative as an indicator of the addressability of the utterance] *Vestnik KRAUNCz. Gumanitarny`e nauki: e`lektron. nauchn. zhurn.* [Bulletin KRAUNZ. Humanities: electron. scientific. zhurn.] 2011. E`lektronnyj resurs. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/performative-as-an-indicator-of-utterance-addressness> (data obrashheniya: 19.05.2020) (In Russian).

10. *Russkij kalendarno-obryadovyj fol`klor Sibiri i Dal`nego Vostoka: Pesni. Zagovory`* [Russian calendar-ritual folklore of Siberia and the Far East: Songs. Conjurations] Sost. F. F. Bolonев, M. N. Mel`nikov, N. V. Leonova. Novosibirsk, 1997. 605 p. (In Russian).

11. Shustova S. V. *Funktional`ny`e svoystva kauzativny`x glagolov: dinamicheskij podxod* [Functional properties of causative verbs: a dynamic approach] Perm`: Permskij gosudarstvennyj nacional`nyj issledovatel`skij universitet, 2010. 247 p. (In Russian).